

Выборы в США

Скрытая конвергенция на почве промышленной политики

По данным аналитической компании Nielsen, шоу, приуроченное к последнему дню съезда Демократической партии 22 августа, которое транслировалось 15 телеканалами, посмотрели 26,2 млн зрителей, при этом пик в 28,9 млн пришёлся на финальный митинг с участием Камалы Харрис. Трансляцию последнего дня съезда республиканцев 18 июля посмотрели 25,4 млн зрителей, при этом пик в 28,4 млн пришёлся на выступление Дональда Трампа.

Съезд Демократической партии посмотрели в среднем 1,4 млн человек в возрасте от 18 до 34 лет, 5,2 млн в возрасте от 35 до 54 лет и 18,8 млн человек старше 55 лет, а съезд республиканцев – 1,3 млн человек от 18 до 34 лет, 4,9 млн от 35 до 54, 18,4 млн старше 55 лет.

По сути, оба съезда представляли собой шоу для пожилых зрителей, которые составили примерно 72 % от общей аудитории. В США 98 млн избирателей старше 55 лет, то есть 40 % от 244 млн человек, имеющих право голоса. Лица моложе 55 лет составляют 60 % избирателей, но только 25 % условных телезрителей относятся к этой возрастной группе. По данным Nielsen, прошедший 11 февраля Super Bowl (финал чемпионата профессиональной лиги американского футбола National Football League) посмотрели 123,7 млн человек.

Демографические изменения

Под поверхностью партийных телевизионных шоу действуют социальные силы. В американской политической системе победа в президентской гонке достигается большинством голосов выборщиков, а не голосов избирателей – только так можно обеспечить единство страны, состоящей из 50 штатов и занимающей почти 10 млн км² и 6 часовых поясов. Количество голосов выборщиков каждого штата соответствует числу его представителей в Конгрессе: два сенатора плюс члены Палаты представителей, количество которых равно количеству избирательных округов на территории штата, которое, в свою очередь, зависит от населения. Таким образом, количество голосов выборщиков определяет демография.

С течением времени политический вес каждого штата на президентских выборах значительно изменился. В 1950 году в штатах, расположенных в сердце США, в так называемом Хартленде, или Среднем Западе (в этой статье мы относим к этому географическому региону Западную Вирджинию, Теннесси, Кентукки, Айову, Иллинойс, Висконсин, Миннесоту, Миссури, Пенсильванию, Мичиган, Огайо, Индиану), проживали 59 млн жителей – на 23 % больше, чем население Юга и Северо-Запада вместе взятых (48 млн), за исключением штатов на побережье Тихого океана. 70 лет спустя, в 2020 году, в штатах Хартленда проживало 89 млн человек, а население южных и северо-западных штатов достигло 145 млн, то есть на 63 % больше, чем в Хартленде.

В 1932 году Хартленд имел 203 голоса выборщиков, а Юг и Северо-Запад – 189 голосов. В 2024 году ситуация перевернулась: последние имеют 242 голоса выборщиков против 140 у Хартленда. Именно в этом фундаментальном изменении и заключается сила Республиканской партии. То растиражированное СМИ упрощённое видение, будто бы борьба демократов и республиканцев является столкновением прогрессистов и консерваторов, сегодня – Харрис и Трампа, затемняет и мистифицирует реальные факторы, лежащие в основе американской борьбы за политическую власть.

Промышленный кризис Хартленда

Когда-то Соединённые Штаты были ведущей промышленной державой мира, производя больше стали, автомобилей и потребительских товаров, чем любая другая страна мира. Но в 2010 году их превзошёл Китай, став крупнейшим в мире производителем промышленной продукции (*Financial Times*, 16 августа).

Два нефтяных кризиса 1973 и 1980 годов, конкуренция Японии и Европы в автомобильном секторе в последующие десятилетия, вступление Китая в ВТО в 2001 году, аутсорсинг производства в страны с низкими издержками, цифровизация экономики, революция в

логистике – сочетание всех этих факторов оказало разрушительное воздействие на Хартленд, промышленное сердце Соединённых Штатов. Распространён тезис о том, что именно эти объективные условия лежат в основе политического феномена Трампа, хотя именно его фигура всплыла скорее случайно, чем по расчёту: он стал катализатором исторической оппозиции южан элитам Североатлантического побережья, которая восходит ещё к Гражданской войне и сегодня сопровождается протестом той части населения, которая пострадала от закрытия заводов.

Психология упадка

Раньше мы уже выражали свои сомнения по поводу такой односторонней интерпретации; анализ данных по отдельным округам показывает, что среди массы наёмных работников преобладает абсентеизм, хотя верно, что во многих районах “ржавого пояса” на протяжении двух или трёх поколений утвердилась своего рода *психология упадка*.

Ясное представление о том, что произошло в самом сердце Америки за последние полвека, нам могут дать две компании – исторические символы американской промышленной мощи автомобильного и сталелитейного секторов. В 1960 году в рейтинге 500 крупнейших по обороту компаний мира, опубликованном журналом *Fortune*, General Motors из Детройта, штат Мичиган, занимала первое место с 557 тыс. сотрудников; на пятом месте находилась US Steel из Питтсбурга, штат Пенсильвания, с 200 тыс. рабочих. В 1980 году General Motors была на втором месте с 853 тыс. рабочих, US Steel больше не входила в первую пятёрку. В 2024 году General Motors опустилась на 19-е место с 163 тыс. сотрудников, US Steel опустилась на 227-е с 21,8 тыс. сотрудников. Именно в этом драматическом контексте структурных изменений происходит американская политическая борьба. По данным U. S. Bureau of Labor Statistics, занятость в промышленности Хартленда упала с 5,5 млн в 1998 году до 4 млн в 2019-м, то есть на 27 %.

В период с 1957 по 2021 год вес Хартленда в американском ВВП упал с 35,3 до 24,3 %, потеряв 11 процентных пунктов. В индустриальном центре, сделавшем эту страну ведущей индустриальной державой мира, образовался провал, который трудно заполнить. *Financial Times* от 12 августа пишет, что примерно 40 % крупных инвестиций в промышленность США, объявленных в первый год промышленной политики Джо Байдена, были отложены или приостановлены. Ломать – не строить.

Борьба за Хартленд

«*Больше сходств, чем различий*», – пишет 7 сентября *Politico*. По мнению этого цифрового издания, если отодвинуть ширму предвыборной риторики, то можно увидеть, что обе партии сходятся по важнейшему вопросу о промышленной политике в Хартленде.

Например, когда речь идёт о поддержке заводов в Мичигане, их аргументы звучат поразительно похоже. По данным *Politico*, демократическая администрация Байдена сделала ставку на то, что возобновление американского производства посредством огромных субсидий “Inflation Reduction Act” и “CHIPS Act” поможет ей восстановить “Blue Wall” – журналистский термин, обозначающий “стену” из штатов, в которых демократы всегда побеждали с 1992 по 2012 год и которая была разрушена с победой Трампа в 2016 году.

Республиканцы же, хотя и очерняют политику Демократической партии в своей пропаганде, негласно рассматривают возможность сохранения части промышленной политики Байдена. Таковую позицию озвучил журналистам бывший торговый представитель США при Трампе Роберт Лайтхайзер.

В рейтинге по производимому доходу Пенсильвания опустилась с 4-го места в 1957 году на 6-е в 2021-м, Мичиган – с 7-го на 14-е, Висконсин – с 13-го на 21-е. В 2020 году президент-демократ Байден победил в Пенсильвании с перевесом в 1,2 %, в Мичигане с перевесом в 2,8 % и в Висконсине с перевесом в 0,6 %. С таким же низким отрывом это произошло в Джорджии (0,3 %), Аризоне (0,3 %), Северной Каролине (1,3 %) и Неваде (2,4 %). Несмотря на то, что в США право голоса имеют 244 млн человек, кто станет президентом Соединённых Штатов в ноябре будут определять лишь несколько десятков тысяч голосов в этих штатах.

Сентябрь 2024 г.